

Страновые стратегии

«Мечтаем вместе»: экономическое измерение «умной силы» КНР в Юго-Восточной Азии¹

С.В. Михневич

Михневич Сергей Владимирович – к.полит.н., научный сотрудник Центра исследований международных институтов РАНХиГС, директор Центра по многостороннему сотрудничеству Российской союзу промышленников и предпринимателей; Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; E-mail: sxzex@yandex.ru

В статье через призму «мягкой» и «умной силы» анализируются актуальные идеологические концепции внешней политики КНР: «Сообщество единой судьбы» (СЕС), «Один пояс – один путь» (ОПОП). Автор отмечает, что посредством новых теоретических подходов и расширения своего присутствия на многосторонних площадках Китай стремится сформировать условия для укрепления совокупной государственной мощи в целом и влияния на стратегических территориях в странах АТР и Юго-Восточной Азии в частности. При этом для максимально эффективной реализации национальных интересов Китая необходимо обеспечить преодоление серьезных «эффектов колеи».

Понимая, что обеспечение устойчивого долгосрочного влияния на политику целевых стран и регионов без значительного присутствия в социально-экономическом измерении целевых стран и регионов невозможно, Китай активно применяет экономические инструменты внешней политики, дополняющие ее ценностное измерение и способствующие формированию новых многосторонних институтов, в которых Китай играет ключевую роль. В этой связи особенно выделяются учреждение Фонда Шелкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, активное инвестирование в целевые экономики, создание возможностей для развития внешней торговли.

Китай старается сформировать систему институтов, которая позволит ему не только закрепить достигнутый уровень влияния, но и в перспективе сформировать условия для выдвижения на позиции мирового лидера. В КНР понимают, что без реализации проактивной стратегии, нацеленной на устранение негативных «эффектов колеи» и формирование положительного восприятия своей политики, новый Китай не сможет достичь успеха в укреплении собственного лидерства. Одновременно укрепление взаимозависимости и взаимосвязанности между Китаем и его зарубежными партнерами будет способствовать расширению спектра средств реализации национальных интересов КНР и снижению вероятности реализации ими негативной политики в отношении Китая.

Ключевые слова: КНР; Китай; АСЕАН; США; Юго-Восточная Азия; Азиатско-Тихоокеанский регион; АТР; «умная сила»; Азиатский банк инфраструктурных инвестиций; АБИИ; «Экономический пояс Шелкового пути»; «Морской шелковый путь XXI века»; «Один пояс, один путь»; «Пояс и путь»; «китайская мечта»; «сообщество единой судьбы»; экономические инструменты внешней политики

Для цитирования: Михневич С.В. (2018) «Мечтаем вместе»: экономическое измерение «умной силы» КНР в Юго-Восточной Азии // Вестник международных организаций. Т. 13. № 4. С. 237–255 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-11.

¹ Статья поступила в редакцию в феврале 2017 г.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Стратегии ведущих стран-доноров по достижению Целей устойчивого развития» (2018 г.).

Введение

Продвижение и реализация национальных интересов являются сущностью внешней политики всех государств. Преломляясь через призмы различных аспектов социально-экономической деятельности, они формируют ключевые задачи и задают стратегию стран в мировой политике. Как справедливо отмечает М.В. Братерский, «...природа государств [с течением времени. — С. М.] не изменилась. Они, как и ранее, добиваются влияния и богатства, но поскольку в наши дни военные методы более не считаются обыденными и законными, государства все чаще прибегают к другим [невоенным. — С. М.] инструментам» [Братерский, 2012, с. 7]. Они [инструменты], в свою очередь, должны быть интегрированы в выверенные стратегии, учитывающие особенности источников силы и целевых объектов.

Так, накопленный опыт сотрудничества и соперничества/вражды в отношениях между государствами кристаллизуется в «эффекте колеи»². Он проявляется как в устойчивых паттернах восприятия в правящих элитах государств иных участников мировой политики, так и в наиболее приемлемых и частых практиках международных взаимодействий в институтах и в отношении отдельных проблемных полей. В случае если история отношений между странами имеет сложный характер, то для успеха внешней политики придется прилагать значительные усилия сначала для преодоления существующего «эффекта колеи», а затем уже для достижения непосредственных целей в условиях оптимизированной среды. И наоборот, «друзья» могут позволить себе предложить менее выгодные условия сотрудничества нежели «соперники» и заручиться поддержкой, поскольку изначально находятся в более выигрышной ситуации за счет накопленного «капитала сотрудничества».

Проблема новых центров силы заключается в том, что они регулярно сталкиваются с серьезными негативными «эффектами колеи» в отношениях с соседями. Исторический опыт взаимодействия с сильным региональным лидером, как правило, содержит значительное число примеров вражды и военных действий. И они находят более устойчивое отражение в исторической памяти, предрассудках и предубеждениях обществ соседних государств и их правящих элит, нежели примеры эффективного сотрудничества. Соответственно, стремление нового лидера заручиться поддержкой ближнего круга государств встречает серьезное противодействие в таких странах, не готовых без значительной компенсации «поверить в изменение намерений» нового центра силы.

Например, неоднозначная и агрессивная политика Китая стала одной из ключевых причин создания региональной группировки стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) — АСЕАН. На тот момент в странах региона Китай воспринимался в роли главного *enfant terrible*. В 1967 г. глава МИД Филиппин Н. Рамос на вопрос относительно того, существует ли в странах АСЕАН общее мнение относительно того, откуда исходит главная и наиболее вероятная угроза внешнего вмешательства, ответил: «Здесь нет вопроса. Это — Китай» [Jorgensen-Dahl, 1978, р. 42]. Несколько ранее, в 1965 г., схожим образом высказался постоянный секретарь МИД Малайзии Г. бин Шафие, отметивший, что «коммунистический Китай представляет собой самую серьезную угрозу миру и мировому порядку» [Воусе, 1968, р. 150]. Зачастую «далеким» лидерам проще завоевать расположение стран региона. Так, причины успешности США в установлении своего

² «Эффект колеи» — фундаментальный фактор, во многом определяющий динамику развития общественно-политических систем, как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Он представляет собой «ограничение возможностей выбора, существующих в настоящем, основанное на историческом опыте прошлого» [Норт, 2010, с. 83].

лидерства в ЮВА бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю связывал с тем, что «США были той силой, к которой мы [страны АСЕАН. — С. М.] испытывали наименьшее недоверие» [Economist, 2010].

Новым центрам силы непросто менять подобное отношение, поскольку им, в стремлении продемонстрировать небезосновательность и конструктивность своих добрососедских и лидерских намерений, необходимо предлагать больше, нежели могут предложить конкуренты. Одним из ключевых инструментов для этого является расширение и укрепление экономического сотрудничества с целевыми странами и регионами как важнейшего элемента «умной силы»³. Другим эффективным средством является наращивание вовлеченности в многосторонние механизмы международного сотрудничества.

Исследованию опыта КНР в применении экономических инструментов внешней политики в АТР и ЮВА посвящена эта статья. В ней мы рассмотрим составляющие актуальной концепции «умной силы» Китая, «китайской мечты», в контексте ее идейного и институционального наполнения, а также проанализируем динамику расширения торгово-экономического влияния КНР в странах ЮВА⁴.

«Китайская мечта» как элемент «умной силы» Китая на международной арене

Стремление КНР усилить свои международные позиции и укрепиться в роли по крайней мере одного из глобальных центров силы, наталкивается на противодействие США, опасаящихся того, что Китай сможет стать новым мировым лидером. Для ограничения притязаний Пекина Вашингтон активно «мутит воду» и создает препятствия для реализации китайских интересов по всему миру и особенно в близлежащем регионе ЮВА. Американские власти и эксперты заостряют внимание на возможных агрессивных и экспансионистских планах КНР в отношении соседей, чрезмерном экономическом влиянии Китая и сложном историческом опыте отношений. Фактически США стараются проводить в отношении китайской международной стратегии политику «управления неопределенностью». Она подразумевает уменьшение неопределенности или ее перевод в состояние «известной» в собственной политике актора и генерацию «неизвестной неопределенности» в приемлемых зонах в отношении соперников⁵.

³ «Умная сила» представляет собой способ реализации политики страны на международной арене, сочетающий «жесткую силу» для понуждения и возмездия и «мягкую силу» в виде убеждения и притяжения [Най, 2013, с. 18]. Непременным атрибутом «умной силы» также является наличие значительного числа компетенций, которые можно объединить под общим наименованием «сила управления» [Михневич, 2015].

⁴ Мы исходим из того, что без реализации проактивной стратегии, нацеленной на устранение негативных «эффектов колеи» и формирование положительного восприятия своей политики, новый центр силы не сможет достичь успеха.

⁵ Н. Талеб пишет, что существуют разные виды неопределенности [неизвестности]: «...известная неопределенность» — «когда мы знаем, что чего-то не знаем», и «неизвестная неопределенность» — «когда «мы не знаем, что чего-то не знаем» [Талеб, 2009, с. 211–213, 257]. «Известная неопределенность» может выступать в роли источника предсказуемого поведения для актора, обладающего информацией об отсутствии данных о тех или иных значимых факторах. Сторона, принимающая решение, может моделировать и пытаться реализовывать те или иные сценарии с учетом понимания имеющихся информационных лакун. «Неизвестная неопределенность» — основная проблема при реализации политики, поскольку в случае ее проявления на разрешение возникающих проблем расходуется колоссальный объем ресурсов. Это происходит в том числе и потому, что часто отсутствует понимание ее серьезности и возможных последствий.

Отчасти современная ситуация в отношениях между КНР и США напоминает противостояние между США и СССР в годы «холодной войны». Однако есть существенная разница. СССР и США изначально начинали соперничество на глобальном уровне, которое затем распространялось на различные регионы. В случае с КНР и США ситуация обратная. Стороны изначально конкурируют на региональном уровне, и пока противостояние не «перешло» на глобальный уровень. Произойдет ли это, зависит от развития событий в АТР и ЮВА в частности.

Справиться с негативными «эффектами колеи» и сформировать идеологические рамки для китайского международного лидерства должна помочь концепция «китайской мечты» [Михневич, 2016, с. 103]. «Китайская мечта» объединяет в себе курсы на укрепление комплексного потенциала Китая и использование соответствующих возможностей для развития как внутри страны, так и ее зарубежными партнерами. Фактически «китайская мечта» стала первой китайской внешнеполитической концепцией, нацеленной на *активное* формирование международной повестки дня. Этим она отличается от более ранних теоретических изысканий, нацеленных на максимально эффективную адаптацию Китая к существующим условиям. Практически «китайская мечта» знаменует новый этап развития внешней политики КНР. И в данном контексте она обладает серьезным символическим значением.

«Китайская мечта» развивается в нескольких связанных политэкономических концептах, цель которых состоит в обеспечении ее эффективного восприятия в обществах зарубежных государств. Среди них особенно выделяются концепция «Сообщества единой судьбы» (СЕС) и «Один пояс, один путь»/ «Пояс и путь» (ОПОП, ПИП), которые должны добавить «реального экономического содержания» красивым лозунгам «китайской мечты». Идея СЕС впервые была официально озвучена Си Цзиньпином в марте 2013 г. на выступлении в МГИМО. Тогда он сказал: «Степень взаимосвязанности и взаимозависимости между странами достигла беспрецедентной глубины. Люди живут в глобальной деревне, в одном пространственно-временном континууме, в котором переплетаются прошлое и настоящее, поэтому человечество все больше напоминает сообщество единой судьбы, все члены которого тесно связаны друг с другом» [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2013].

СЕС – попытка Китая на официальном уровне обратиться к проблеме комплексной взаимозависимости как в позитивном, так и в негативном ключах и продемонстрировать свое лидерство в деле развития международного сотрудничества, в ситуации, когда «экономическая глобализация является господствующей тенденцией мирового развития» [Тимофеев, 2015, с. 230]. По мнению А.Г. Ларина, центральная идеологическая задача концепции ОПОП «состоит в том, чтобы остановить или по крайней мере замедлить накопление недовольства и тревоги, убедить другие государства, что Китай, несмотря на его превосходство в национальной мощи, предлагает сотрудничество на основе принципов “общего выигрыша” и “совместного строительства и использования” для всех его участников; что развитие Китая несет благо всему человечеству» [Ларин, 2016, с. 142].

Концепция СЕС демонстрирует желание Китая сыграть на поле, на котором он пока уступает многим другим глобальным акторам, в первую очередь США. Китай стремится сформировать идеологическую базу, которая не только бы оправдывала его возвышение, снижая обеспокоенность соседей, но и создавала условия для лидерства в глобальном и региональном масштабах. Выступая 28 марта 2015 г. на Боаоском форуме с докладом «Новое будущее Азии: шаг к сообществу единой судьбы», Си Цзиньпин подчеркнул, что «страны Азии, постепенно преодолевая отчужденность, продиктованную разницей в идеологии и общественном строе, уходят от закрытости и замкнутости.

Они избавляются от сомнений и разобщенности, развивают отношения, основанные на взаимном признании и доверии, то есть все больше осознают себя сообществом, члены которого связаны единой судьбой» [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2015].

Если концепция СЕС демонстрирует ценностные устремления китайской «умной силы», то идея ОПОП должна создать экономические условия для их восприятия и укоренения в целевых странах и регионах. Стратегия совместного создания ОПОП предложена Си Цзиньпином в ходе его визитов в страны Центральной и Юго-Восточной Азии в сентябре – октябре 2013 г. Эта концепция дополняет и уточняет идеи, заложенные в СЕС. «Главным содержанием этой инициативы будут тесные политические контакты и связи между народами, объединение инфраструктур, обеспечение свободной беспрепятственной торговли и удовлетворение нужд в финансировании» [Китай, 2016]. В рамках реализации проекта по имплементации ОПОП будут определены конкретные направления и проекты сотрудничества, созданы международные экономические коридоры с упором на крупные международные пути и сформирована новая среда региональной экономической интеграции. Для реализации мегапроекта Китаем был специально учрежден Фонд Шелкового пути (ФШП) объемом в 40 млрд. долл. США [SRF, с. а.]. Проект состоит из двух крупных элементов: «Экономического пояса шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского шелкового пути XXI века» (МШП). Проект ЭПШП преимущественно будет реализовываться с расчетом на сухопутные коммуникации, а МШП – на морские.

В рамках ЭПШП в качестве приоритетных рассматривается три основных направления развития сотрудничества: Китай – Центральная Азия – Россия – Европа (Балтийское море); Китай – Центральная Азия – Западная Азия – Персидский залив – Средиземное море; Китай – Юго-Восточная Азия – Южная Азия – страны Индийского океана. МШП будет сосредоточен на развитии двух основных направлений: Китай – Южно-Китайское море – Индийский океан – Европа; Китай – Южно-Китайское море – южная часть Тихого океана.

Эксперты выделяют ряд базовых взаимосвязанных целей самой КНР, достижение которых преследует ОПОП [Михневич, 2017]:

- 1) Формирование маршрутов и условий для бесперебойного обеспечения ресурсных поставок в Китай и транспортировки китайских товаров на основные экспортные рынки.
- 2) Развитие «отстающих» регионов КНР на западе и в центральной части страны.
- 3) Создание ориентированных на Китай цепочек создания добавленной стоимости и перенос менее эффективных производств за пределы территории страны.
- 4) Укрепление национальной безопасности за счет улучшения отношений с государствами-партнерами и посредством расширения перечня политико-экономических инструментов внешней политики⁶.
- 5) Продвижение «мягкой силы» Китая и формирование платформы для международного лидерства страны при помощи комплекса институтов и проектов, составляющих ОПОП.

⁶ Так, в январе 2017 г. КНР была опубликована первая «Белая книга» по вопросам политики Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в АТР». Согласно документу, для укрепления безопасности в регионе предлагается комплексная политика, состоящая из шести основных направлений, первым из которых упомянуто «Продвижение общего развития и формирование устойчивого экономического основания для обеспечения мира и стабильности в АТР» [The State Council of the People's Republic of China, 2017].

По мнению С.В. Уянаева, «с точки зрения итоговых целей инициатива ОПОП с самого начала представляла собой проект крупного, геостратегического характера, который за счет внешнеэкономических и внешнеполитических механизмов призван обеспечить интересы страны в ближнем и дальнем зарубежье Евразии и одновременно решить ряд текущих системных проблем развития экономики страны» [Уянаев, 2017, с. 10]. Указанная инициатива укрепляется в качестве базового комплекса механизмов и инструментов экономической дипломатии КНР, которая, в свою очередь, содействует решению задач национального развития. Это осуществляется благодаря созданию позитивной международной среды, продвижению интересов китайского бизнеса за рубежом и повышению значимости Китая в ключевых механизмах глобального управления, как считает директор Департамента международных экономических отношений МИД КНР Чжан Цзюнь [Zhang, 2017]. В целом «дипломатия Шелкового пути — это пример не только “нового мышления и нового направления китайской дипломатии”, но и “активного действия”, которое сменило пассивное реагирование. При этом если раньше “дипломатия обслуживала экономическое строительство”, то теперь “экономика и дипломатия функционируют параллельно”» [Виноградов, 2015, с. 80].

Экономические инструменты внешней политики Китая в Юго-Восточной Азии

Китай традиционно прибегает к активному использованию экономических рычагов «мягкой силы», предоставляя значительную помощь и инвестируя в проекты на территориях государств в самых разных регионах: от Африки до Латинской Америки и Центральной Азии. По оценкам экспертов Девекс, только в 2013 г. объем международной помощи, предоставленной Китаем, составил 7,1 млрд долл. США⁷ [Devex, 2015]. И КНР постоянно наращивает свое СМР. Так, по информации, обнародованной в феврале 2017 г. в выступлении Си Цзиньпина, совокупный объем китайской помощи с 1949 по 2016 г. превысил 600 млрд юаней (96,75 млрд долл. США) [Radio Free Asia, 2017].

Страны АТР находятся в привилегированном положении в ряду получателей китайской помощи. Одной Камбодже КНР с 1992 г. оказала помощь в размере 2,1 млрд долл. США, не говоря о серьезных инвестициях, которые с 2006 г. по август 2012 г. составили более 8,2 млрд долл., что сделало Китай крупнейшим инвестором в страну⁸ [Нгуен, 2015, с. 201]. В ответ Камбоджа продвигает во внешней политике идеи в интересах КНР. Китай также старается инвестировать и помогать странам, которые традиционно выступают в роли его региональных конкурентов, как Вьетнам. Общий объем накопленных китайских инвестиций в экономику Вьетнама в 2012 г. составил 4,8 млрд долл. США [Vietnam Investment Review, 2013]. Китай увеличивает влияние во Вьетнаме благодаря контролю над истоками р. Меконг, ключевой для экономики СРВ, а также посредством реализации совместных проектов развития [Михневич, 2014].

В целом же объем прямых иностранных инвестиций из Китая только в 2014 г. составил 116 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2002 г. в 43 раза даже без учета показателей по Гонконгу, через который за рубеж направляются значительные объемы китайских инвестиций. По данным ЮНКТАД⁹, в 2014 г. объем ПИИ, направленных за

⁷ Здесь и далее имеются в виду долл. США.

⁸ Кроме того, в 2015 г. Китай финансово поддерживал в Камбодже 19 проектов развития на общую сумму 1,1 млрд долл. [Нгуен, 2015, с. 201].

⁹ Конференция ООН по торговле и развитию.

рубеж из Гонконга, составил 143 млрд долл. (+62 млрд долл. к 2013 г.). То есть суммарный объем инвестиций КНР и Гонконга в 2014 г. составил 259 млрд долл. из 1354 млрд долл. (19,1%) глобальных ПИИ [UNCTAD, 2015]. Таким образом, Китай постепенно занимает ключевое место среди мировых инвесторов¹⁰.

Если наложить график темпов роста китайских ПИИ (без учета Гонконга) на события, происходившие в указанное время, то можно увидеть, что наибольшая динамика наблюдалась на временном отрезке между 2007 и 2008 гг. В 2008 г. темпы прироста китайских инвестиций составили 107%. Таким образом, в период перед глобальным финансовым кризисом 2008–2009 гг. Китай совершил прыжок в «другую лигу». В кризисном 2009 г. темпы прироста ПИИ составили символический 1%. Но более важно, что их объемы не упали. Это на фоне общего падения ПИИ за рубеж позволило КНР еще больше усилить свое экономическое присутствие за рубежом.

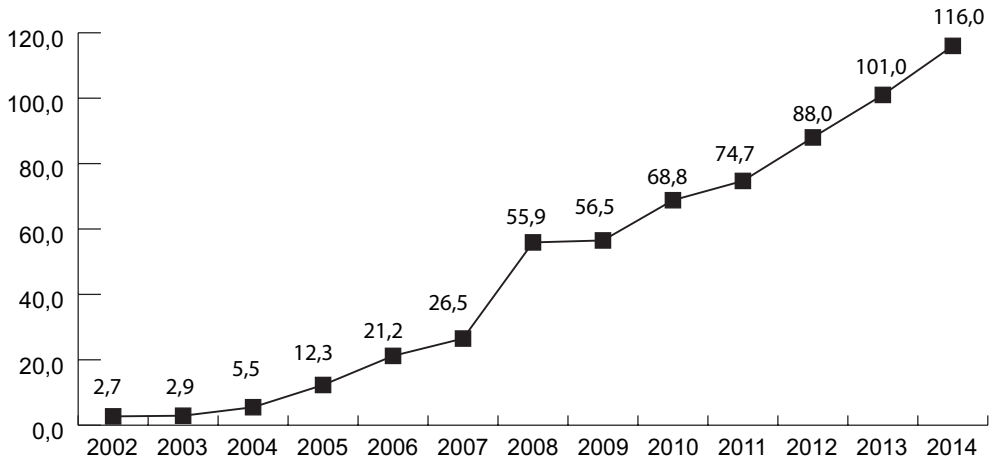


Рис. 1. ПИИ из Китая, млрд долл. США

Источник: [Нгуен, 2015; UNCTAD, 2015].

Что касается периода с момента появления концепции «китайской мечты», то можно заметить, что за это время (с 2012 по 2014 г.) объем китайских ПИИ за рубеж вырос на 28 млрд долл., или на 31,8% (с 88 млрд долл. до 116 млрд долл.), совпав со скачком в гонконгских ПИИ с 88 млрд долл. в 2012 г. до 143 млрд долл. в 2014 г., или на 62,5 %.

Но, несмотря на существенный рост объема ПИИ за рубеж, динамика инвестиций Китая в страны АСЕАН демонстрирует не столь радужную для КНР картину. С 2006 по 2013 г. объемы ПИИ Китая в страны АСЕАН выросли в 4,4 раза: с 1958 до 8644 млн долл. США соответственно [ASEAN, 2015]. Однако рост китайских ПИИ имел неоднородный характер. За указанный промежуток дважды наблюдались серьезные падения объемов ПИИ: в 2008 г. — в 2,2 раза по сравнению с 2007 г., и в 2012 г. — почти в 1,5 раза. Накопленный объем китайских ПИИ в АСЕАН с 2006 по 2013 г. составил 32 930 млн долл., что гораздо меньше чем за тот же период у Японии (94 723 млн долл.), США (59 456 млн долл.) и ЕС (148 473 млн долл.) [ASEAN, 2015]. Если же к объемам ПИИ

¹⁰ Инвестиции Китая за рубежом направляются преимущественно в добывающие отрасли или инфраструктуру, если речь идет о развивающихся государствах, и в сферу высоких технологий в развитых странах.

в АСЕАН из Китая добавить ПИИ из Гонконга, то ситуация несколько улучшится: накопленный объем ПИИ в АСЕАН из Гонконга за 2006–2013 гг. составил 59132 млн долл. [ASEAN, 2015].

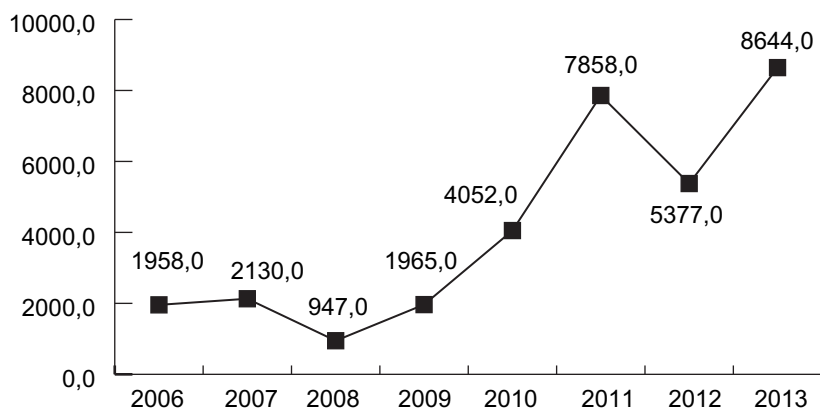


Рис. 2. ПИИ из Китая в страны АСЕАН, млн долл. США

Источник: [ASEAN, 2015].

Существенному улучшению зарубежных инвестиционных возможностей Китая, наряду с реализацией ОПОП, способствует деятельность созданного в 2015 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) со Штаб-квартирой в Пекине и уставным капиталом в 100 млрд долл. Ряд авторитетных исследователей, таких как Томас Ренард, полагают, что АБИИ стал крупнейшим успехом «экономического измерения» «мягкой силы» Китая [Renard, 2015]. Членами – основателями АБИИ выступили 58 государств: наряду со странами Азии заявки на участие подали многие государства Европы, в том числе один из ключевых союзников США – Великобритания. Что касается стран АТР, то в число учредительных членов АБИИ из ключевых государств региона не вошла только Япония, но представлены все государства АСЕАН¹¹.

Главной целью АБИИ является содействие устойчивому развитию и укреплению инфраструктурной взаимосвязанности экономик региона. В число основных приоритетов деятельности АБИИ войдет финансирование проектов в сфере инфраструктуры: энергетика, транспорт, телекоммуникации и пр. Для реализации проектов будет использоваться широкий спектр инструментов, включая кредитование, участие в капитале, предоставление финансовых гарантий и т.д.

С созданием АБИИ обвинения Китая в том, что он старается проехать «без билета» и не нести ответственность за развитие глобальной экономики, становятся гораздо менее состоятельными. Запуск АБИИ также усилил позиции КНР в отношении требования реформ по расширению применения многосторонности в международных экономических и финансовых организациях, отбросив тень на попытки США сопротивляться усилению роли КНР в многосторонней системе глобального управления [Renard, 2015]. Для Китая крайне важно удержать и развить успех АБИИ как первого механизма глобального масштаба, предложенного КНР. От него зависит способность Китая стать «модератором» реформы глобального управления.

¹¹ Членство в банке открыто для всех государств, которые в настоящее время участвуют в Международном банке реконструкции и развития и Азиатском банке развития.

Помимо АБИИ и ФШП для финансирования проектов ПИП и реализации внешней инвестиционной политики привлекаются Банк развития Китая и Экспортно-импортный банк Китая (ЭКСИМ-банк Китая). С момента выдвижения инициативы ОПОП Банк развития Китая подписал со странами вдоль «Пояса и пути» более 100 проектов на сумму более 40 млрд долл., выдал кредитов более чем на 30 млрд долл. [Михневич, 2017]. ЭКСИМ-банк Китая запланировал к реализации более 1100 проектов стоимостью более 100 млрд долл. и уже выдал кредитов на сумму более чем 80 млрд долл. [Канцелярия руководящей рабочей группы..., 2017, с. 41–42]. Уже к первому кварталу 2017 г. совокупный объем кредитов на проекты ПИП превысил 90 млрд долл., а число проектов с участием ЭКСИМ-банка достигло 1200 (объем займов – более 101,5 млрд долл.) [Belt and Road Portal, 2016].

Не прекращают создаваться и новые финансовые институты при участии КНР. В частности, в 2016 г. по инициативе Торгово-промышленного банка Китая была учреждена финансовая холдинговая компания «Китай – страны Центральной и Восточной Европы» («16+1») и учрежден Фонд «Китай – страны Центральной и Восточной Европы» размером в 10 млрд долл. [Office of the Leading Group for the Belt and Road Initiative, 2017]. По оценкам зарубежных экспертов, совокупные активы финансовых институтов, созданных при участии КНР, в том числе АБИИ и ФШП, на финансирование проектов «Пояса и Пути» в 2015–2025 гг. составили 1 трлн долл. США [Strategy&PWC, 2015, p. 3].

Отдельное направление китайских инвестиций в государства «Пояса и пути» – создание специальных зон торгово-экономического сотрудничества. В настоящий момент в 20 государствах ОПОП их создано 56. Инвестиции в такие зоны достигли 18,5 млрд долл., а налоговые отчисления, связанные с их функционированием, составили 1,1 млрд долл., было создано 180 тыс. новых рабочих мест [China.org, 2017]. В КНР среди наиболее успешных подобных зон выделяют китайско-белорусский индустриальный парк («Великий камень»), тайско-китайский индустриальный парк в Районге, Суэцкую зону торгово-экономического сотрудничества в Египте, Сиануквильскую свободную экономическую зону в Камбодже [Ibid.].

В отношении абсолютных показателей завершенных сделок и проектов, анонсированных в рамках «Пояса и Пути» в 2016 г., авторитетные эксперты считают, что только в инфраструктуре их объем достиг 494 млрд долл., треть из них была «сгенерирована» в самом Китае [PWC, 2017, p. 7]. Однако в настоящее время подсчитать точное количество проектов в рамках ОПОП невозможно – исчерпывающего перечня просто не существует. Отчасти это связано с отсутствием четких критериев по отнесению проекта к категории ПИП. Еще одной причиной может быть стремление КНР сыграть на эффектах «неизвестности» и «возрастающей отдачи от масштаба», которые дают Китаю возможность показать больше, чем делается на самом деле. По сути, практически любой проект, осуществляемый китайскими компаниями в странах ОПОП, может считаться проектом, реализуемым в рамках инициативы¹².

По информации, опубликованной перед форумом Шелкового пути в мае 2017 г., совокупное число проектов, аффилированных с ОПОП, составило около 1700 [Wu, 2017]. По итогам анализа проектов ПИП эксперты выделяют следующие особенности китайского подхода к реализации инициативы [Михневич, 2017]:

1. Проектная деятельность включает инвестиционные проекты, направленные на развитие производств и транспортной инфраструктуры, и проекты, нацеленные на стимулирование торговли.

¹² Автором статьи в другой работе сделана попытка составления перечня проектов ПИП (см. [Михневич, 2017]).

2. В число проектов в рамках ОПОП зачастую включают проекты, начатые и даже завершённые до запуска инициативы, например, проект развития медных рудников в Торомочо (Перу), завершённый до 2012 г.
3. Не все проекты, включаемые в ОПОП, осуществляются за счёт китайских средств, но непременно при участии китайских компаний, как, например, проект по строительству больницы в Коломбо (Шри-Ланка). При этом в официальных источниках не всегда содержится информация об источниках финансирования. Проекты подаются как реализованные Китаем.
4. При реализации проектов китайские компании стремятся к максимально широкому внедрению собственных разработок и стандартов, увязывая выделение финансирования с закупкой китайской продукции.
5. Наблюдается существенная «дифференциация интереса» Китая к различным государствам ОПОП в зависимости от степени их стратегической важности в географическом и экономическом измерениях¹³.

На полях форума Шелкового пути КНР обнародовала новые планы по развитию инициативы. В их числе следует отдельно упомянуть наращивание финансовых ресурсов на проекты инициативы. На реализацию проектов ОПОП будут направлены дополнительные средства объемом более 100 млрд долл. Так, ФШП будет докапитализирован на 14,5 млрд долл. Банк развития Китая и ЭКСИМ-банк Китая создадут специальные схемы мультивалютного финансирования в целях развития промышленных производств и инфраструктуры общим объемом около 70 млрд долл. Еще примерно 43 млрд долл. будет ассигновано иными китайскими финансовыми институтами для реализации проектов «Пояса и пути» [Xinhuanet, 2017].

Также Китай обязался выделить в течение 2018–2020 гг. 8,7 млрд долл. в виде помощи странам и международным организациям, участвующим в инициативе, и направит продовольственное содействие развивающимся странам вдоль нового Шелкового пути на сумму в 300 млн долл. Кроме того, КНР перечислит дополнительные взносы в Фонд содействия сотрудничеству «Юг – Юг» и международные организации, вовлеченные в реализацию проектов сотрудничества с государствами «Пояса и Пути», объемом 1 млрд долл. США каждый [Xinhuanet, 2017].

Инвестиционное измерение внешнего экономического измерения «мягкой силы» Китай дополняет созданием условий для взаимовыгодной торговли. Китай в последние годы существенно укрепился в роли лидера мировой торговли, занимая первые места по объему внешней торговли. За десять лет с 2005 по 2014 г. объем внешней торговли КНР вырос с 770 458 млн долл. до 2 477 271 млн долл. соответственно, т.е. более чем в 3,2 раза. Отрицательная динамика наблюдалась лишь в 2009 г. с наступлением глобального экономического кризиса, когда объем внешней торговли КНР упал на 15,6%. При этом значительные объемы китайской торговли связаны с Гонконгом и Макао. Так, по данным UNCTAD stat, объем внешней торговли Гонконга в 2014 г. составил 625 379 млн долл., а Макао – 55 074 млн долл. США [UNCTAD, 2015].

Если ситуация с инвестициями КНР в страны АСЕАН носит неоднозначный характер, то с торговлей с регионом все совершенно ясно: Китай прочно завоевал статус крупнейшего партнера стран ЮВА. В 2013 г. объем товарооборота КНР – АСЕАН составил 350 508,4 млн долл. США. В 2006–2013 гг. объем торговли вырос в 2,5 раза, незначительно снизившись лишь в 2009 г. (–9,5%).

¹³ В особенно привилегированном положении находится Пакистан. Объем портфеля проектов в рамках развития китайско-пакистанского экономического коридора составляет 45 млрд долл. (20% ВВП Пакистана), из которых проекты стоимостью 28 млрд долл. предполагается реализовать в ближайшей перспективе [Prime Minister's Office Government of Pakistan, с. а.].

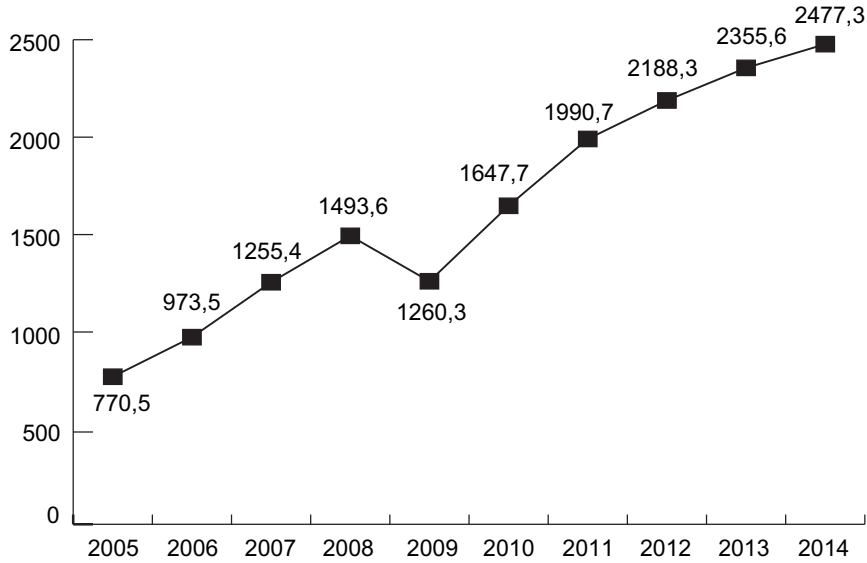


Рис. 3. Объем внешней торговли Китая, млрд долл. США

Источник: [UNCTAD, 2015].

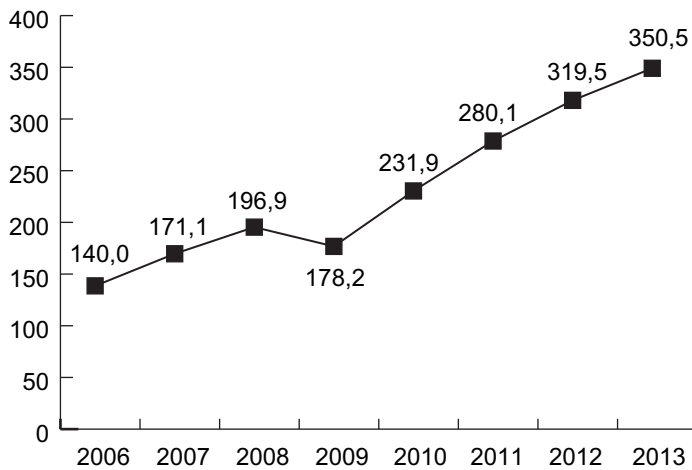


Рис. 4. Объем торговли КНР со странами АСЕАН, млрд долл. США

Источник: [ASEAN, 2015].

Существенное положительное воздействие на развитие торговых отношений оказала Зона свободной торговли Китай – АСЕАН, начавшая полноценно функционировать в 2010 г. С момента ее запуска торговля между Китаем и АСЕАН выросла почти в 2 раза. Как считалось, создание указанной ЗСТ в краткосрочной перспективе в большей степени соответствует интересам АСЕАН, в то время как в среднесрочной и долгосрочной – Китая. Но как показывает динамика сальдо торгового баланса между Китаем и АСЕАН, ЗСТ уже на второй год существования способствовала серьезному увеличению торговых потоков в пользу КНР. За четыре года существования ЗСТ про-

фицит Китая в торговле с АСЕАН вырос в 3 раза по сравнению с 2009 г.: с 15 020,9 до 45 417,3 млн долл. США [ASEAN, 2015].

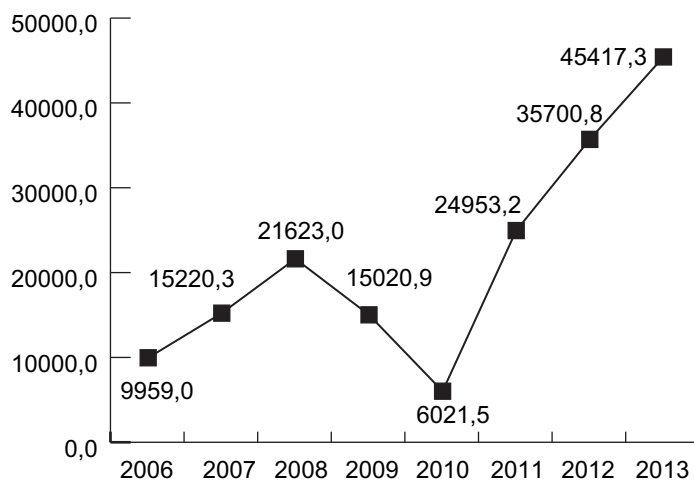


Рис. 5. Сальдо торгового баланса Китая – АСЕАН, млн долл. США

Источник: [ASEAN, 2015].

Без сомнения, страны ЮВА, несмотря на преимущества, которые им принесла ЗСТ с Китаем, не могут не обращать внимания на тот факт, что выигрыш КНР от либерализации торговли значительно превосходит их выгоды. Неясны и перспективы и преимущества от возможного создания Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), инициированного АСЕАН в ноябре 2012 г. и активно продвигаемого КНР [National Coordination Center, с. а.].

Целью ВРЭП является формирование «современного, всеобъемлющего, качественного и взаимовыгодного соглашения о создании экономического партнерства, направленного на обеспечение условий для свободной торговли и инвестиций в регионе и стимулирование глобального экономического роста и развития» [ASEAN, 2012]. Переговорный процесс, в котором принимают участие все государства АСЕАН, КНР, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия, затрагивает не только снятие барьеров во взаимной торговле товарами и услугами, но и инвестиционный режим, экономическое и техническое сотрудничество, защиту прав интеллектуальной собственности, развитие конкуренции, создание механизма разрешения споров, электронную торговлю.

ВРЭП провозглашается открытым для других участников, у которых есть соглашение о свободной торговле с АСЕАН, что сохраняет возможности присоединения к ВРЭП других интеграционных группировок и отдельных членов. «Важным условием, принятым за основу переговоров, является соответствие всех согласуемых в ходе переговоров параметров правилам и нормам ВТО. А при реализации совместных мероприятий допускается высокая степень гибкости, принимая во внимание индивидуальные особенности и приоритеты 16 государств» [Михеев, Швыдко, 2014, с. 128]. «ВРЭП призвано упростить участие в глобальных и региональных цепочках добавленной стоимости стран, присоединившихся к нему, и усилить экономическую интеграцию в регионе» [National Coordination Center, с. а.]. По состоянию на начало 2018 г. переговорный

процесс по ВРЭП еще не завершен. Однако ВРЭП еще предстоит доказать свою эффективность. И если это сотрудничество будет приносить слишком явные преимущества КНР, «обижая» других партнеров, развитие интеграционных процессов может негативно сказаться на «мягкой силе» и комплексном влиянии Китая в ЮВА и АТР.

Заключение

Многие зарубежные исследователи в работах, посвященных тем или иным аспектам китайской политики, пишут о Китае либо исключительно в восторженных тонах, либо негативно, подвергая сомнению достигнутые успехи. Как справедливо отмечает Я.М. Бергер, «...зарубежные авторы, поляризующие мнение относительно Китая, его политики и целей, одинаково негативно работают на его имидж» [Бергер, 2015]. Результатом этого становится рост настороженности. Впрочем, Китаю удается сохранять положительную тенденцию по укреплению собственной «мягкой силы». Так, к 2012 г. «по опросам Гэллапа, позитивное отношение к КНР высказали более 50% населения АСЕАН против 30% 10 лет назад» [Сафронова, 2013, с. 152].

Однако, несмотря на значительный потенциал и серьезное укрепление экономических связей со странами АТР, КНР достаточно часто испытывает серьезные сложности с устранением «эффектов колеи». Возможно, китайскому руководству еще предстоит совершить очень многое, чтобы сделать свою «умную силу» по-настоящему «умной» и эффективной. Сегодня очень часто, стремясь достичь тактических успехов, китайские власти ставят под удар свои стратегические выгоды и возможности «мягкой силы», способствуя актуализации опасений у партнеров¹⁴.

Результатом таких «фальстартов» становится усиление позиций ключевых вне-региональных акторов, таких как США, которые с благодарностью примут промахи и поражения Китая. Тем не менее КНР придется прилагать значительные усилия для адаптации собственной политики и устранения «эффектов колеи». Без этого шансы Китая стать региональным и тем более глобальным лидером крайне невелики. Развитие же торгово-экономического сотрудничества со странами АТР позволит существенно «повысить ставки», в случае если их элиты будут проводить политику в ущерб интересам Китая. Полагаем, что опыт Китая, его успехи и промахи могли бы быть с успехом использованы в выстраивании и усилении российской политики в макрорегионе. В конечном счете Китай не преминет воспользоваться ослаблением российских позиций для установления себя в качестве доминирующего партнера по АТР. Почему бы и российским властям не обратить внимание на предоставляемый шанс и улучшить свои позиции в Азии?

¹⁴ Так, значительные сложности возникают в связи с политикой КНР по отношению к китайской диаспоре за рубежом – хуацяо. В 2015 г. разразился серьезный скандал из-за заявлений китайского посла в Малайзии Хуан Хуйкана [The Economist, 2015]. Через несколько дней после разгона малайской полицией протестующих, выступавших с антикитайскими лозунгами в китайском квартале Куала-Лумпура, туда прибыл Хуан Хуйкан. Он сделал заявление, суть которого сводится к тому, что Китай не будет «сидеть сложа руки», когда нарушаются права его граждан. Таким образом, официальное лицо КНР вольно или невольно подтвердило опасения, что Китай склонен трактовать свою связь с хуацяо в зависимости от ситуации и серьезно вмешиваться в дела иностранных государств из-за нарушений прав диаспоры.

Источники

Бергер Я.М. (2015) Китайская модель развития как «мягкая сила» // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром / А.В. Ломанов, Е.В. Кобелев (ред.). М.: ИДВ РАН.

Братерский М.В. (2012) Невоенные рычаги внешней политики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Виноградов А.О. (2015) Новый тип отношений и Новый шелковый путь о внешнеполитических инновациях Китая // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Т. 20. М.: ИДВ РАН.

Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства «Одного пояса, одного пути» (2017) Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках. С. 41–42.

Китай (2015) Проект XXI века // Журнал «Китай». Т. 118. № 8. С. 18.

Ларин А.Г. (2016) К анализу сущности проекта ЭКПШМ и его сопряжения с ЕАЭС // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Т. 21. М.: ИДВ РАН.

Михеев В.В., Швыдко В.Г. (отв. ред.) (2014) Дисбалансы транстихоокеанского пространства. ИМЭМО РАН. М.: Магистр.

Михневич С.В. (2014) Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. Т. 9. № 2.

Михневич С.В. (2015) Фактор «умной силы» в процессах институционализации международных отношений // Вестник международных организаций. Т. 10. № 4.

Михневич С.В. (2016) Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций. Т. 11. № 1.

Михневич С.В. (2017) Куда ведет нас новый Шелковый путь? // Новости АТР. Т. 7. № 2.

Най Дж. (2013) Будущее власти. М.: АСТ.

Нгуен Т.Ф.Х. (2015) Рост «мягкой силы» Китая в свете «выхода вовне» // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром / А.В. Ломанов, Е.В. Кобелев (ред.). М.: ИДВ РАН.

Норт Д. (2010) Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Сафронова Е.И. (2013) Экономическая дипломатия Китая и стратегическая безопасность в АТР // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Т. 18. М.: ИДВ РАН.

Талей Н. (2009) Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри.

Тимофеев О.А. (2015) Российско-Китайские и многосторонние интеграционные проекты и их влияние на развитие Дальнего Востока // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Т. 20. М.: ИДВ РАН.

Уянаев С.В. (2017) Инициатива «один пояс, один путь»: цели, эволюция, структурные элементы. Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС / В.А. Матвеев (ред.). М.: ИДВ РАН.

Asian Infrastructure Investment Bank (АИВ) (с. а.) Financing Operations. Режим доступа: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/who-we-are/financing-operations/index.html> (дата обращения: 01.11.2018).

ASEAN (2012) Joint Declaration on the Launch of Negotiations for the Regional Comprehensive Economic Partnership. Режим доступа: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/10/SEOM-AFPs-Bali-Annex-4-Joint-Declaration-on-the-Launch-of-Negotiations-for-the-RCEP.pdf> (дата обращения: 01.11.2018).

Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) (2015) Statistical Yearbook 2014. Режим доступа: <https://www.asean.org/storage/images/2015/July/ASEAN-Yearbook/July%202015%20-%20ASEAN%20Statistical%20Yearbook%202014.pdf> (дата обращения: 01.11.2018).

Belt and Road Portal (2016) China Exim Bank's B&R Loans at 620 Bln Yuan. Режим доступа: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/qwyw/rdxw/16293.htm> (дата обращения: 01.11.2018).

Boyce P. (1968) *Malaysia and Singapore in International Diplomacy: Documents and Commentaries*. Sydney: Sydney University Press.

China.org (2017) SCIO Briefing on Trade and Economic Cooperation Under B&R Initiative. Режим доступа: http://www.china.org.cn/china/2017-05/11/content_40790733.htm (дата обращения: 30.11.2015).

Devex (2015) Funding Report: Emerging Donors. Режим доступа: <https://pages.devex.com/emerging-donors-report.html> (дата обращения: 30.11.2015).

Economist (2010) In the Balance. 2 December. Режим доступа: <https://www.economist.com/special-report/2010/12/02/in-the-balance> (дата обращения: 20.10.2016).

Economist (2015) Big Motherland: Banyan. 10 October. Режим доступа: <https://www.economist.com/asia/2015/10/08/big-motherland> (дата обращения: 20.11.2016).

Jorgensen-Dahl A. (1978) The Emerging External Policies of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) // *Australian Journal of Politics & History*. Vol. 24. No. 1. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-8497.1978.tb00238.x> (дата обращения: 20.11.2016).

Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China (2013) Xi Jinping Calls for the Building of New Type of International Relations with Win-Win Cooperation at the Core in a Speech at the Moscow State Institute of International Relations. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcfl_665694/t1024781.shtml (дата обращения: 20.11.2016).

Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China (2015) Towards a Community of Common Destiny and A New Future for Asia. Keynote Speech by H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China at the Boao Forum for Asia Annual Conference. Воао, 28 March. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2015-03/29/c_134106145.htm (дата обращения: 20.11.2016).

National Coordination Center for Developing Economic Cooperation with Countries of Asia-Pacific Region (с. а.) Regional Comprehensive Economic Partnership, РСЕР. Режим доступа: <http://www.aprcenter.ru/Ru/calendar/603.html> (дата обращения: 20.11.2016).

Office of the Leading Group for the Belt and Road Initiative (2017) Building the Belt and Road: Concept, Practice and China's Contribution. Режим доступа: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSyduylw/201705/201705110537027.pdf> (дата обращения: 20.11.2016).

Prime Minister's Office Government of Pakistan (с. а.) China-Pakistan Economic Corridor. Режим доступа: <http://www.boi.gov.pk/> (дата обращения: 20.11.2016).

PWC (2017) China and Belt & Road Infrastructure: 2016 Review and Outlook. Режим доступа: <http://www.pwchk.com/en/services/consulting/br-watch-infrastructure.html> (дата обращения: 20.11.2016).

Radio Free Asia (2017) Xi Jinping Suggested That China's Foreign Aid Must Be More Reasonable in the Future. 9 February. Режим доступа: <https://www.rfa.org/mandarin/yataibaodao/junshiwaijiao/nu-02092017164129.html> (дата обращения: 20.11.2016).

Renard T. (2015) The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB): China's New Multilateralism and the Erosion of the West. Security Policy Brief no 63, Egmont Royal Institute for International Relations. Режим доступа: <http://www.egmontinstitute.be/aiib-china-the-west/> (дата обращения: 20.11.2016).

Silk Road Fund (SRF) (с.а.) Режим доступа: <http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23773/index.html> (дата обращения: 20.11.2016).

Strategy&, PWC (2015) Chinese Outbound Funding: "China-West-Developing Markets" Infrastructure Collaboration – Chinese Bilateral Financing, One-Belt-One-Road, Host Government PPP, and Western Capital Markets. Режим доступа: http://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/sites/2/2015/10/PPP-Overseas-Fiscal_vSend-for-UN-Portion.pdf (дата обращения: 20.11.2016).

The State Council of the People's Republic of China (2017) Zhongguode yatai anquan hezuo zhengce [Политика Китая относительно сотрудничества в сфере безопасности в АТР]. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2017-01/11/content_5158864.htm (дата обращения: 20.02.2017) (на китайском языке).

United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (2015) UNCTAD World Investment Report 2015. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2015_en.pdf (дата обращения: 20.11.2016).

Vietnam Investment Review (2013) China Encourages Businesses to Invest in Vietnam. 16 October. Режим доступа: <https://www.vir.com.vn/china-encourages-businesses-to-invest-in-vietnam-23285.html> (дата обращения: 20.11.2016).

Wu G. (2017) SOEs Lead Infrastructure Push in 1,700 'Belt and Road' Projects. Caixing, 9 May. Режим доступа: <http://www.caixinglobal.com/2017-05-10/101088332.html> (дата обращения: 20.11.2016).

Xinhuanet (2017) Full Text of President Xi's Speech at Opening of Belt and Road Forum. 14 May. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (дата обращения: 20.11.2016).

Zhang J. (2017) China's Economic Diplomacy Entered the New Era. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/ggjjs_665228/xwlb_665230/t1454825.shtml (дата обращения: 20.11.2016).

Dreaming Together: The Economic Dimension of China's "Smart Power" in South-East Asia¹

S. Mikhnevich

Sergey Mikhnevich – PhD, Director of the Center for Multilateral Cooperation, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs; Researcher, Center for International Institutions Research, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); 11 Prechistsenskaya Naberezhnaya, Moscow, 119034, Russian Federation; E-mail: sxzex@yandex.ru

Abstract

This article considers "soft" and "smart power" through the prism of current ideological concepts informing the foreign policy of the People's Republic of China (PRC) – specifically, the "community of common destiny" and the "One Belt One Road." The author argues that China is drawing on new theoretical approaches to strengthen its state power and its influence on strategic territories in Asia-Pacific and South East Asia. For the effective and efficient advancement of its national interests China has to overcome significant "path dependence" in the regional relations towards its policy.

Chinese authorities clearly understand that it is impossible to achieve China's goals without a significant presence in the socio-economic dimension of target countries and regions. In pursuit of this goal, China uses existing economic mechanisms (international trade and investment) and has also established new ones, including the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and the Economic Belt of the Silk Road/One Belt One Road/Belt and Road initiative. These mechanisms supplement the value dimension of Chinese policy.

China is working to create an institutional system in which it can secure its influence and establish the conditions that will allow it to become a world leader in the future. Chinese authorities appreciate that, without a proactive strategy aimed both at the alleviation or elimination of path dependence and the establishment of a positive perception of its policies, the PRC will not succeed in strengthening its leadership. At the same time, the growing interdependence and interconnectivity between China and its foreign partners will increase the scope of opportunities for China to advance its national interests and reduce the likelihood of negative conduct towards China.

Key words: the PRC; China; ASEAN; the U.S.; South-East Asia; Asia-Pacific region; smart power; the Asian Infrastructure Investment Bank; AIIB; Economic Belt of the Silk Road; the 21st Century Maritime Silk Road; "One Belt One Road;" "Chinese dream;" economic instruments of foreign policy

For citation: Mikhnevich S. (2018) Dreaming Together: The Economic Dimension of China's "Smart Power" in South-East Asia. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 4, pp. 237–255 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-11.

References

Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) (c. a.) Financing Operations. Available at: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/who-we-are/financing-operations/index.html> (accessed 15 September 2016).

ASEAN (2012) Joint Declaration on the Launch of Negotiations for the Regional Comprehensive Economic Partnership. Available at: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/10/SEOM-AFPs-Bali-Annex-4-Joint-Declaration-on-the-Launch-of-Negotiations-for-the-RCEP.pdf> (accessed 7 May 2016).

Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) (2015) Statistical Yearbook 2014. Available at: <https://www.asean.org/storage/images/2015/July/ASEAN-Yearbook/July%202015%20-%20ASEAN%20Statistical%20Yearbook%202014.pdf> (accessed 15 September 2016).

¹ The editorial board received the article in February 2017.

The research was carried out within the framework of the RANEPA research project "Leading Donors' Sustainable Development Goals Implementation Strategies."

- Belt and Road Portal (2016) China Exim Bank's B&R Loans at 620 Bln Yuan. Available at: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/qwyw/rdxw/16293.htm> (accessed 17 June 2017).
- Berger Ja.M. (2015) Chinese Development Model as "Soft Power." *"Soft Power" in China's Relations with the Outside World* (Lomanov A., Kobelev E. eds). Moscow: Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Boyce P. (1968) *Malaysia and Singapore in International Diplomacy: Documents and Commentaries*. Sydney: Sydney University Press.
- Braterskij M.V. (2012) *Nonmilitary Levers of Foreign Policy*. Moscow: Higher School of Economics (in Russian).
- China (2015) Project of the XXI century. *Journal "China"*, no 8 (118) (Aug.), p. 18.
- China.org (2017) SCIO Briefing on Trade and Economic Cooperation Under B&R Initiative. Available at: http://www.china.org.cn/china/2017-05/11/content_40790733.htm (accessed 15 December 2017).
- Devex (2015) *Funding Report: Emerging Donors*. Available at: <https://pages.devex.com/emerging-donors-report.html> (accessed 30 November 2015).
- Economist (2010) In the Balance. 2 December. Available at: <https://www.economist.com/special-report/2010/12/02/in-the-balance> (accessed 20 November 2016).
- Economist (2015) Big Motherland: Banyan. 10 October. Available at: <https://www.economist.com/asia/2015/10/08/big-motherland> (accessed 20 November 2016).
- Jorgensen-Dahl A. (1978) The Emerging External Policies of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). *Australian Journal of Politics & History*, vol. 24, no 1. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-8497.1978.tb00238.x> (accessed 20 November 2016).
- Larin A. G. (2016) An Analysis of the Essence of the One Belt One Road Project and the Implementation of the Eurasian Economic Union. *China in World and Regional Politics: History and Modernity*, no 21. Moscow: IFES RAS. (in Russian)
- Mihnevich S.V. (2014) The Panda in the Dragon's Service: The Main Directions and Mechanisms of China's Soft Power Policy. *International Organisations Research Journal*, no 2 (in Russian).
- Mihnevich S.V. (2015) Smart Power in the Institutionalization of International Relations. *International Organisations Research Journal*, no 4. (in Russian)
- Mihnevich S.V. (2016) Happiness From Reason: China's "Smart Power" and Its Impact on the Development of the Security Architecture in the Asia-Pacific Region. *International Organisations Research Journal*, no 1. (in Russian)
- Mihnevich S.V. (2017) Where Does the New Silk Road Lead Us? *Novosti ATR*, vol. 7, no 2. (in Russian)
- Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China (2013) Xi Jinping Calls for the Building of New Type of International Relations with Win-Win Cooperation at the Core in a Speech at the Moscow State Institute of International Relations. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcfl_665694/t1024781.shtml (accessed 26 September 2016).
- Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China (2015) Towards a Community of Common Destiny and A New Future for Asia. Keynote Speech by H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China at the Boao Forum for Asia Annual Conference. Boao, 28 March. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2015-03/29/c_134106145.htm (accessed 26 September 2016).
- National Coordination Center for Developing Economic Cooperation with Countries of Asia-Pacific Region (c. a.) Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP. Available at: <http://www.aprcenter.ru/Ru/calendar/603.html> (accessed 7 May 2016). (in Russian)
- Nguyen T.F.H. (2015) The Growth of China's Soft Power in Light of "Going Abroad." *"Soft Power" in China's Relations With the World* (Lomanov A., Kobelev E. eds). Moscow: IDV RAN. (in Russian)
- Nort D. (2010) *Understanding the Process of Economic Change*. Moscow: Higher School of Economics. (in Russian)
- Nye J. (2011) *The Future of power*. New York: PublicAffairs.

Office of the Leading Group for the Belt and Road Initiative (2017) *Building the Belt and Road: Concept, Practice and China's Contribution*. Available at: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201705/201705110537027.pdf> (accessed 15 September 2016).

Prime Minister's Office Government of Pakistan (n.d.) China-Pakistan Economic Corridor. Available at: <http://www.boi.gov.pk/> (accessed 16 July 2016).

PWC (2017) China and Belt & Road Infrastructure: 2016 Review and Outlook. Available at: <http://www.pwchk.com/en/services/consulting/br-watch-infrastructure.html> (accessed 15 December 2017).

Radio Free Asia (2017) Xi Jinping Suggested That China's Foreign Aid Must Be More Reasonable in the Future. 9 February. Available at: <https://www.rfa.org/mandarin/yataibaodao/junshiwaijiao/nu-02092017164129.html> (accessed 12 March 2018) (in Chinese).

Renard T. (2015) The Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB): China's New Multilateralism and the Erosion of the West. Security Policy Brief no 63, Egmont Royal Institute for International Relations. Available at: <http://www.egmontinstitute.be/aib-china-the-west/> (accessed 15 December 2017).

Safronova E.I. (2013) The Economic Diplomacy of China and Its Strategic Security in the Asia-Pacific Region. *China in World and Regional Politics: History and Modernity*, no 18. Moscow: IFES RAS (in Russian).

Silk Road Fund (SRF) (c. a.) Available at: <http://www.silkroadfund.com.cn/enweb/23773/index.html> (accessed 14 June 2017).

Strategy&, PWC (2015) Chinese Outbound Funding: "China-West-Developing Markets" Infrastructure Collaboration – Chinese Bilateral Financing, One-Belt-One-Road, Host Government PPP, and Western Capital Markets. Available at: http://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/sites/2/2015/10/PPP-Overseas-Fiscal_vSend-for-UN-Portion.pdf (accessed 15 June 2017).

Taleb N.N. (2007) *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. New York: Random House.

Timofeev O.A. (2015) Russian and Chinese Integration Projects and Their Influence on Far Eastern Development. *China in World and Regional Politics: History and Modernity*, no 20. Moscow: IFES RAS (in Russian).

United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) (2015) UNCTAD World Investment Report 2015. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2015_en.pdf (accessed 15 June 2017).

Uyanaev S. (2017) The "One Belt, One Road" Initiative: Goals, Evolution, Structural Elements. *Problems and Prospects for the Implementation of the Silk Road Economic Belt Initiative in the Context of the SCO* (V.A. Matveyev (ed)). Moscow: IFES RAS. (in Russian)

Vietnam Investment Review (2013) China Encourages Businesses to Invest in Vietnam. 16 October. Available at: <https://www.vir.com.vn/china-encourages-businesses-to-invest-in-vietnam-23285.html> (accessed 7 May 2015).

Vinogradov A.O. (2015) A New Type of Relationship and the New Silk Road: China's Foreign Political Innovation. *China in World and Regional Politics: History and Modernity*, no 20. Moscow: IFES RAS. (in Russian)

Wu G. (2017) SOEs Lead Infrastructure Push in 1,700 'Belt and Road' Projects. Caixing, 9 May. Available at: <http://www.caixinglobal.com/2017-05-10/101088332.html> (accessed 15 June 2017).

Xinhuanet (2017) Full Text of President Xi's Speech at Opening of Belt and Road Forum. 14 May. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2017-05/14/c_136282982.htm (accessed 14 February 2017).

Zhang J. (2017) China's Economic Diplomacy Entered the New Era. Available at: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjzg_663340/ggjjs_665228/xwlb_665230/t1454825.shtml (accessed 14 June 2017).